

НАКАНУНЕ условились поговорить после репетиции. Проговорили полчаса, и он сказал: «Отпусти — вечером спектакль, а силы уже не те! 60...»

Михаилу Ульянову шестьдесят... Мне всегда казалось, что судьбы Шукшина и Ульянова схожи.

«Единственная схожесть, — настаивает Ульянов, — что мы оба из Сибири, из глубинки, правда, он с Алтая, а я из Омской области. Больше никакой схожести нет».

Да нет, есть. Когда-то, в далеком уже 1974 году, Василий Шукшин рассказывал, что во ВГИК он пришел «глубоко сельским человеком, далеким от искусства... и нечитанность моя была относительная, и знания мои были относительные... я должен был узнавать то, что знают все и что я пропустил в жизни». Но разве не то же самое — чуть ли не слово — мог бы повторить и Михаил Ульянов? Про каждого из них американцы сказали бы «self-made man» — человек, который сам себя сделал, ибо оба «глубоко сельских человека» благодаря себе стали тем, кем стали: их знает любой в нашей стране...

За последние два десятилетия на наших глазах выросли многие. Эстрадная певица, еще лет десять назад, стеснялась, объясняя, «что она хотела сказать своим произведением», стала «звездой» и, уже ни в чем не сомневаясь, говорит обо всем. Оперная певица, еще лет пятнадцать назад робко отвечавшая на вопросы в редакционном кабинете, получила все возможные звания и теперь может назначить время встречи — и загодя уйти из дома, даже не оставив записки, не объяснив, не извинившись. Композитор, еще двадцать лет назад охотно звонивший, чтобы поговорить о собственном творчестве, стал маститым и теперь, даже будучи предупрежден через собственную жену, «не выходит на связь», хотя дело требует разговора именно с ним. И т. д.

Трудные РОЛИ Михаила УЛЬЯНОВА

Портрет пунктиром

Я привожу примеры не для того, чтобы задать вопрос: «Что происходит с людьми?» Это тема другой статьи. Цель иная: Михаил Ульянов, получив все высшие звания и награды, остался так же прост и доступен, как и двадцать лет назад. В условленное время он подходит к телефону — сам, без «домашних посредников», в назначенный час ждет там, где обещал; и если вдруг ЧП и встретиться не сможет, сыщет на дне моря, чтоб предупредить. Это — свойство характера: уважение к людям. Поэтому для всех нас почетное звание его — народный артист СССР — исполнено особого смысла: НАРОДНЫЙ артист.

Роли его хорошо известны и многократно описаны. Но такому актеру, как Михаил Ульянов, будем откровенны, не прикажешь что-то сыграть. В этом смысле можно сказать, что роли он выбирает сам, и отнюдь не случайно. Почему? Вот его комментарий. Вначале общее соображение:

«Я стараюсь в меру сил играть такие роли, которые давали бы возможность высказаться по той или иной волнующей меня проблеме».

А вот конкретно:
«Степан Разин Шукшина, каким я хотел его сыграть, — это не столько история героя, огромной силы человека, сколь история русского мужика, который мучительно ищет путь истинной правды. Шукшинский Стенька хочет людям добра и воли, а завоевывает их кровью и чудовищным насилием. Он люто рвется из пут, попадая в другие пути — своей ненависти, которая порождает ответную ненависть. Он не знает, куда идти: волю-то дал, а что с ней делать? Водку только пить «вмертвую»?.. Это трагическая фигура».

«Ричард III. Вы говорите, что он, как я его играю, производит впечатление дебила. Ну, правильно. Но я и не хотел создавать, так сказать, обобщенный образ диктатора. Мне важно было другое. Речь шла даже не о Ричарде, а о почве, на которой может вырасти такая сорная трава, об обстоятельствах, в силу которых ничтожество может оказаться наверху. Для меня эта проблема была в высшей степени тревожной».

«У нас столько нытиков, столько сопляков, стонущих, жужжащих, ругающих все на свете, всем недовольных — и ни черта не делающих. Тьма развелась! Вроде пикейных жилетов, черт бы их азял! А Тевье-молочник тянет тяжелейший воз, но благословляет жизнь. Не куксится, не плачется. У меня, когда встречаю таких людей, душа оттаивает. Тевье-молочник, мудрец и жизнелюб, господи, да разве такой человек сейчас нам не нужен?»

В качестве председателя правления Союза театральных деятелей России Ульянов заседания ведет демократично, выслушивая все мнения, никому не зажимая рта, но растекаться мыслью по древу не дает. Может спросить: «Разумное предложение?» Все: «Разумное!» Голос: «Разумное! Можно мне сказать два слова?» — «Если разумное, зачем слова?» Не стесняется признать: «Я что-то даже растерялся... Как ваше, товарищи, мнение?» Может отчитать вызванных с периферии весьма ответственных работников: «Нельзя приезжать в Москву неподготовленными, с бредовой идеей объединения четырех плохих театров в один плохой. Нельзя защищать людей, которые не тянут. Нельзя! Этим мы занимались последние 20 лет — и результат известен!» И слушают Ульянова вызванные в Москву большие начальники, и прячут личные амбиции глубоко за пазуху, и обещают исправиться, поскольку председатель СД РФСР еще и их «партийное начальство»: член Центральной Ревизионной комиссии КПСС.

Многие артисты, среди них и очень крупные, заняты только своей профессией. Сказать, что Михаил Ульянов — актер выдающийся, значит, повторить всем известное. Но этот выдающийся артист в последние годы больше занят общественной работой, чем профессиональной. Почему?

«Так сложилось, что меня, в общем, как-то зовут во многие дела. Ну, и я не представляю себе, как можно уйти в сторону, заняться каким-то хобби или спортом для укрепления собственного здоровья. Или для собственного обогащения давать бесконечные концерты... И помаленьку я втянулся в какую-то другую жизнь, параллельную моей актерской. Жизнь, которая требует все больше и больше сил и фактически мешают основной работе. Я стал меньше играть — меня просто физически не хватает...»

В сентябре этого года ко всем ролям добавилась еще одна: Евгения Симонова назначили художественным руководи-

телем Театра дружбы народов, и вахтанговцы избрали Ульянова своим художественным руководителем. Вечером из Ленинграда позвонил Кирилл Лавров. Поздравил, а потом осторожно поинтересовался: «Ты что, с ума сошел?» Он не сошел с ума: «Лавров, наверное, прав. Но другого выхода не было — ни у коллектива, ни у меня». Однако должность худрука таит много соблазнов — Ульянов в театре и кино выступал ведь и как режиссер...

«Я дал слово коллективу и себе, что ставить спектакли не буду. Поэтому я заинтересован в любой хорошей постановке — ради театра. Всякая удача окажется моей удачей, всякая неудача — тоже моей. Вот сейчас Роберт Стурва поставил хороший спектакль. Это и моя, так сказать, прибыль. Поди-ка поставь рядом с собой такого, как Стурва, — как бы я перед ним выглядел в качестве режиссера?.. А как художественный руководитель я с ним наравне, потому что мы оба заинтересованы в удаче. Мы будем приглашать всех крупных режиссеров, которые к нам пойдут, хотя они, к сожалению, очень заняты. Пригласим и мастеров с Запада. Мне вообще кажется, что институт худруков без постановок сегодня более прогрессивен, если во главе театра стоит человек, обладающий ярким талантом режиссера. Другое дело — театр Товстоногова, театр Гончарова, театр Захарова...»

На обсуждении «брестского мира» несколько критиков назвали Ульянова великим актером. Затем еще один из выступавших сказал, что Ульянов не великий, а просто хороший артист. Я спросил «просто», как он относится к обоим определениям.

«Спокойно и к первому, и ко второму. Если бы я серьезно поверил, что я — великий артист, и стал бы изображать из себя некую особую личность, то был бы просто дураком. И ко второму определению отношусь спокойно по той же причине: не считаю себя великим. Ну, назвали сегодня. Приятно? Приятно. Но не более того. Голова у меня от похвал никогда не кружилась и уж теперь, ей-ей, не закружится. Это мне, я точно скажу, не грозит».

Кстати, к критике я отношусь спокойно. Беда заключалась в том, что ряд актеров, в том числе и аз многогрешный, был во времена оные вне критики. Упаси боже пустить критическую стрелу в Смоктуновского, Ульянова, Бондарчука. Какая чепуха! Что — нет ошибок у меня, у Бондарчука, у Смоктуновского? Есть. Мы живые люди, это нормально. Когда после картины, не подавившейся критике, он пишет: «Феллини умер», — то Феллини же не умирает — снимает следующий фильм. А если у нас напишут: «Бондарчук или Ульянов умер», — то сразу побегут в ЦК жаловаться. Потому-то у нас и критерии такие низкие, что все гении. Все кричим про общий подъем. А общего нету — есть мастера и есть подмастерья».

У него много ролей, включая роль главы семьи: «Есть и у меня своя жизнь — семья, дом, я должен его содержать; но я не могу только этому отдаваться». А еще он член 18 или 19 комиссий — сам точно не помнит: «Но это другое дело — там я не руковожу...»

Роль много, и каждая «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез». И каждую играет он истово, из последних сил, тратя себя беспощадно, выкладываясь всюду, где его, Ульянова, требует время.

Роль много, играет он их блестяще; мы смотрим и удивляемся: тянет...

«Вырваться из того круга, в котором я оказался, мне сегодня не дано. Если я споткнусь и упаду, тогда без меня обойдутся. Но пока я на ногах, не вырваться».

Роль много, а он один.

И жизнь одна, «Актеры сгорают на великих ролях», — бросил как-то Лоуренс Оливье.

Дай бог ему здоровья, Михаилу Ульянову, и успехов во всех ролях...

Григорий ЦИТРИНЯК
Фото автора